

АРХИТЕКТУРНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ В ОДЕССЕ: ВИЗУАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Е. С. Петриковская

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
lenape.69@mail.ru

Проанализированы теоретико-методологические основания визуально-антропологического исследования, посвященного советской жилой архитектуре в стиле конструктивизма в Одессе. В советском контексте архитектура играла роль источника обновления. Конструктивисты сознательно участвовали в создании «нового», то есть современного, человека, готового жить в эпоху глобальных перемен и строить общество будущего. Этот общий тезис конкретизирован на примере Одессы в ходе проведения культурно-антропологического исследования. Значительное внимание уделено разработке и обоснованию комплексного методического подхода, исходящего из антропологической перспективы в изучении города, – философско-антропологического понимания культуры как соразмерной человеку, учитывающего многообразие форм визуального опыта в современной культуре и опирающегося на новейшие исследования визуальной коммуникации. Отстаивается тезис о том, что, опираясь на разработанную методологию, можно открывать новые, а не наперед заданные смыслы. Один из ключевых выводов: реализованное визуально-антропологическое исследование подтверждает важность семиологического подхода к архитектуре. Он позволяет исследовать, как архитектура формирует человеческое поведение, как проектирование нового типа жилья, которому и власть, и архитекторы уделяли особое внимание, участвует в создании новой совокупности жизненных связей. Конструктивистский жилой дом исследован как специально организованное пространство, транслирующее определенные смыслы. Полученные результаты позволяют глубже осмыслить и реконструировать «механизмы» культурной коммуникации, способы трансляции культурных смыслов. Результаты исследования способствуют реконструкции образа Одессы 1920–1930-х годов, а также более глубокому пониманию антропологии социалистического города.

Ключевые слова: конструктивизм, дом, культурная антропология, визуальная семиотика, антропология города, визуальная антропология, антропология архитектуры, практика

ARCHITECTURAL CONSTRUCTIVISM IN ODESSA: VISUAL-ANTHROPOLOGICAL RESEARCH

Elena S. Petrikovskaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
lenape.69@mail.ru

The article analyzes the theoretical and methodological foundations of a visual-anthropological research on Soviet residential architecture in the constructivism style in Odessa. In the Soviet context, architecture played the role of a source of renewal. Constructivists consciously participated in the creation of the “new”, that is, modern man, ready to live in an era of global change and build a society of the future. This thesis is concretized by conducting a cultural-anthropological research in Odessa. Considerable attention is paid to the development and substantiation of a comprehensive methodological approach based on an anthropological perspective in the study of the city, a philosophical and anthropological understanding of culture as proportionate to a person, taking into account the diversity of forms of visual experience in modern culture, and based on the latest research in visual communication. The thesis is defended that with the help of the proposed methodology it is possible to discover new rather than predetermined meanings. One of the key conclusions is that the realized visual-anthropological research confirms the importance of the semiological approach to architecture. It allows exploring how architecture shapes human behavior, how the design of a new type of housing, to which both the authorities and architects paid special attention, participates in the creation of a new set of life connections. The constructivist house is studied as a specially organized space that conveys certain meanings. The results obtained make it possible to comprehend and reconstruct the “mechanisms” of cultural communication, ways of translating cultural meanings. The results of the study contribute to the reconstruction of the image of Odessa in the 1920s and 1930s, as well as to a deeper understanding of the anthropology of the socialist city.

Keywords: constructivism, house, cultural anthropology, visual semiotics, urban anthropology, visual anthropology, architectural anthropology, practice

DOI 10.23951/2312-7899-2023-4-167-189

Исследование архитектуры жилых зданий, выполненных в конструктивистском стиле, никогда не проводилось в Одессе. Современники оценили ее своеобразную красоту, заключающуюся в строгости скупых и четких линий, в целесообразности, доведенной до предела. Строительство «города как произведения искусства» [Скотт 2005, 220] в эпоху его технической воспроизводимости стало событием в жизни Одессы. Никаких украшений и орнаментов.

В этом чувствовали огромный и смелый размах, пафос создания новой среды обитания. Железобетон и стекло, много света и много пространства, ничего лишнего – вот характерные черты нового строительства. Оно отражало свое время, и одесская пресса регулярно освещала ход и проблемы строительства не только в городе, но и в стране в целом.

Исследование «Дом для “нового человека”». Одесский конструктивизм в антропологической перспективе» было организовано на кафедре философии факультета истории и философии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова в 2019 году. Оно задумывалось как культурно-антропологическое и предполагало взаимодействие философов, архитекторов, культурологов, историков. Целью данной статьи является реконструкция теоретико-методологических оснований проведенного антропологического исследования.

Одесса конца 1920-х – 1930-х годов все еще мало изучена, а проблема возможной релевантности этого периода для практики нашей жизни грамотно не поставлена. Между тем в постколониальных исследовательских подходах конструктивистская идея записывается в имперский советский нарратив в городском планировании и изучается сквозь призму политики колонизации. Деконструкции подвергается установка на формирование «нового человека», а архитектурную и городскую историю стремятся сделать инструментом для восстановления стертых следов прошлого, отвергнутых в ходе модернизации и имперских завоеваний [Connerton 1989; Шліпченко 2008; Hamby 2022]. Мы не считаем такое объяснение единственно возможным. Мы видим в нем презентизм, чрезмерное осовременивание прошлого, от которого ускользает собственно событие и остаются только его идеологизированные интерпретации.

Анализ обширного исторического, культурологического и антропологического материала позволяет исследователям констатировать факт формирования к концу 1930-х годов основ жизненного мира советского человека [Резинко 2002, 193]. Конструктивисты сознательно участвовали в создании «нового», то есть современного, человека, готового участвовать в строительстве индустриального общества. Тут дело не столько в коммунистической идеологии, сколько в смене эпох, в глобальных мировых изменениях, которыми жили авангардисты, выражавшие идеи нового образа жизни. Нам было важно прояснить данный тезис и выяснить, как проектирование нового типа жилья, которому и власть, и архитекторы уделяли особое внимание, участвовало в создании новой совокупности

жизненных связей. Поэтому мы вынесли «нового человека» в название проекта. От начала и до конца исследования пришлось немало повозиться с разъяснением идеи новизны: студенты-исследователи и их ровесники-респонденты плохо знакомы с социалистической идеей либо отказываются «говорить про политику».

Постколониальная критика становится почвой для однозначной трактовки образа. Рассмотрим, насколько эффективными для понимания социалистического города могут стать визуально-антропологические методы.

Рассматривая архитектуру, этот застывший в камне дух своего времени, в контексте городского пространства и с точки зрения ее влияния на личность, мы солидаризируемся с исследовательской тенденцией, направленной на изучение города как феномена культуры, предполагающей обстоятельное рассмотрение его визуально-антропологических параметров. Как отмечает С. С. Аванесов, «...город как многоуровневый "организм" и человек как активный социальный и культурный субъект находятся в сложных отношениях взаимного влияния и определения; эти отношения могут быть зафиксированы и исследованы в поле семиотики города, ведущим сегментом которой – ввиду диагностированного многими гуманитарными науками "визуального поворота" – должна быть визуальная семиотика» [Аванесов 2016, 10].

Область деятельности, обозначаемая термином «визуальная антропология», предоставляет возможность довольно широкого теоретического и методологического толкования. Визуальная антропология – это призыв (и практика) посмотреть еще раз, чтобы увидеть то, что не заметил глаз. Ввиду одновременного удержания в поле своего внимания как визуального объекта, так и визуального восприятия визуально-антропологическая оптика означает движение от «готового» к «очищенному» образу [Хайдарова 2015, 93] и от «целенаправленного» к «расслабленному» взгляду, что, в свою очередь, предполагает открытость поиску как продуктивному непониманию [Духан, Старусева-Першеева 2022, 35].

С. А. Смирнов в развитии визуальной антропологии видит шанс выстраивания нового умозрения, идущего от феномена личности: «Важно выделять в акте визуализации два момента: визуализация как акт открытия феномена мира и узрения его смысла и событийности (явление потаенного у М. Хайдеггера); визуализация как акт, действие, определенная работа и формирование посредством этой работы особого "функционального органа" – умного глаза, умного зрения, видящего то, чего не увидишь обычным натуральным зрением» [Смирнов 2015, 22, 27].

Опираясь на исследования визуальной коммуникации, беря на вооружение визуальные методики анализа и философско-антропологический подход (то есть понимая культуру как соразмерную человеку), мы исследуем возможную связь между архитектурным стилем и мобилизацией личности на примере эстетики советского модернизма.

Метод и объект исследования

Концептуальный фундамент проводимого исследования был обеспечен следующими ориентирами и принципами:

– «Поворот к практике» в философии и антропологизм [Petrykivska 2021], внимание к ситуативной обусловленности мышления (его объектов, возможностей, осуществления, перформативных эффектов) [Мол 2017, 240]. В данном случае имеется в виду переориентация философии на локальные детали, контексты, жизненные миры и профессиональные сферы деятельности. Со второй половины XX века слово «антропология» уже не синоним слова «этнология». Антропология сегодня занята изучением структур разделяемых смыслов, новых способов артикуляции сходств и различий [Мол 2017, 230]. Философия использует исследовательские методы социальных наук и этнографии. Однако в процессе заимствования они трансформируются. Так, вместо этнографии философ предпочитает говорить о праксиографии: праксиограф обращает внимание на техники, которые делают вещи видимыми, слышимыми, осязаемыми, познаваемыми, а события описывает во всех их социоматериальных хитросплетениях [Мол 2017, 67]. Мы так много цитируем Аннамари Мол, поскольку ей удалось достаточно четко очертить суть и ключевые особенности философии, основанной на этнографических материалах, привлекающей реальные жизненные истории, способствующей прозрениям в духе Д. Дидро, В. Беньямина, Л. Витгенштейна и Б. Латура. В духе методологии этих мыслителей мы воздерживаемся от анализа дискуссий специалистов вокруг наследия конструктивизма в Одессе («Ах, Одесса, жемчужина у моря!», органичен или неорганичен для нее конструктивизм), а концентрируемся на том, как конструктивистская идея познается на практике, практически осваивается жильцами (см. ниже о ходе полевого исследования).

– Понимание модернизационной идеологии как совокупности человеческих практик, обеспечивающих трансформацию индивидов и общества в целом к искомому должному состоянию (в нашем

случае – к состоянию «нового человека»). В центре внимания здесь – процесс становления жизненного мира человека, формирование коренных оснований человеческой жизни. Модернистскую архитектуру в этом случае мы понимаем как соучастницу философского осмысления человеческого бытия, стоящую на страже подлинности и независимости человека [Палласмаа 2013]. В современной философии утвердилась мысль, что «радикализация антропологии – ее обращение к предельным формам человеческой трансгрессивности – послужила предпосылкой современной “антропологизации” гуманитарных наук» [Григорьева 2009, 3]. В 1920–1950-е годы трансгрессивность стала важной темой как для жизненной практики, так и для теории, и это самый интенсивный период в истории современной философской антропологии.

– Теория идеологии Клиффорда Гирца, где идеологический феномен рассмотрен в качестве культурной системы, а также обосновано понимание человеческого поведения как крайне пластичного в духе символической (интерпретативной) антропологии. Данный подход свидетельствует об усилении интереса антропологии и общественных наук в целом к роли символических форм в жизни общества, к символическому измерению человеческой жизни, наиболее адекватным методом постижения которого является метод понимания. Антропологические исследования выступают сами по себе как интерпретации второго и третьего порядков, то есть «рефлексии рефлексий». Специфический «концептуальный ритм» интерпретативной антропологии – *постоянное диалектическое движение зигзагом между самой местной из местных деталей и самой глобальной из глобальных структур, чтобы держать их одновременно в поле зрения* – позволяет проникать в типы мысли других людей. Этот методологический принцип состоит в стремлении исследователя удерживать на каждом шаге своего исследования в поле своего зрения и эмпирическое, и теоретическое. Гирц подчеркивает, что понимание социальной жизни предполагает безостановочное создание и разрушение фактов и идей, чему способствует проведение качественных исследований [Гирц 2020, 153, 155]. Качественное исследование – это комплексное исследование, основанное на полевой форме работы, подразумевающее сбор подробных описаний переживаний и смыслов человека, обработку данных с помощью специальных процедур анализа текста, интерпретацию их с учетом социокультурного контекста, отсутствие жесткой стандартизации, внимание к единичным случаям, опору на точку зрения изучаемых людей и рефлексия самого исследователя.

– Антропология архитектуры, находящаяся под влиянием археологии Мишеля Фуко, понимаемой как метод антропологического исследования. Это изучение того, как идеологические практики модифицируют человеческую повседневность, например опосредуют формы человеческой телесности [Бюхли 2017].

– Культурология Владимира Паперного. Советскую культуру мы исследуем, пользуясь инструментарием В. Паперного, поскольку проводим культурно-антропологическое исследование и учимся понимать архитектуру в контексте культуры. Именно ему, а не теоретикам конструктивизма, принадлежит концепция ранней советской культуры. Паперный соединил две исторически разделенные парадигмы – структурализм с формальным искусствознанием Г. Вёльфлина, – чтобы объяснить эволюцию советской архитектуры 1920–1950-х годов, и в результате получил историю советской архитектуры как выражение мышления людей. Он стремится выявить механизм архитектурного мышления, а не просто изучить стили в архитектуре, потому что последние – лишь производные от способа восприятия мира, пространства и общества. Архитектура здесь растворена в культуре, а авангардная Культура Один описана как символистская по своему духу наряду с ее энтропийными устремлениями – горизонтальностью, равномерностью и эгалитарностью [Паперный 1996, 383, 422]. Мы характеризуем «метод Паперного» как смещенный структурализм, поскольку обнаруживаем отличия от классического структурализма: Культура Один и Культура Два в его интерпретации не существуют одновременно (что невозможно в системе бинарных оппозиций); ему важна идея циклического развития, чуждая структуралистам. Паперный подчеркивает, что разработанная им конструкция («ни культуры 1, ни культуры 2 не существует в действительности, они изобретены автором, это искусственные конструкции») позволяет проследить глубинный процесс: ритмическое чередование культур 1 и 2, растекания и затвердевания, разбегания населения по стране и попыток правительства остановить его с помощью архитектуры. После прочтения книги отношения культур представляются в виде китайского неразделения инь–ян, их перетекания друг в друга.

– Урбанистическая антропология, выступающая за синтез наработанных в исследовании города подходов. Время, когда этнографы были интеллектуальными хозяевами всего, что они исследовали, давно прошло. Понятно, что города следует исследовать интер- и постдисциплинарными командами, включающими географов, социологов, историков, архитекторов и экономистов. Границы меж-

ду различными дисциплинами и исследовательскими отраслями не дают увидеть гибридность городских феноменов, требующую применения к ним как минимум междисциплинарных подходов.

Сегодня актуально научиться применять антропологическую технику к городскому контексту. Антропологи традиционно тяготеют к изучению жизни горожан в конкретных социальных и культурных контекстах, часто сужая эти контексты (отдельные улицы, изолированные гетто). Есть альтернативная мысль С. А. Смирнова о том, что необходима не антропология города, «про город», а антропология в городе, антропология жизни человека в городе [Смирнов 2021, 31]. Иначе говоря, жизнь человека становится отправным пунктом в поисках ответа на вопрос: «Что именно держит город как целое?». С этим частично можно согласиться, ибо важны исследования в области городской антропологии, которые концентрировались бы на непредсказуемости человеческого бытия в мире и в целом проблемности человеческого бытия. Но исключительно человек как особенная живая реальность не является целью антропологических подходов (ни в исследованиях культуры, ни в исследованиях города). Антропология, скорее, является посредником, связным между человеком и нечеловеческим.

Антропологизация урбанистики предполагает ее сближение с семиотикой «в общем контексте антропологического знания, что дает реальную возможность теоретического обоснования городской среды как сферы коммуникативного праксиса»; перспективным результатом интеграции указанных дисциплин становится «гуманистическая экспертиза визуальных аспектов урбанистической среды с точки зрения их влияния на самочувствие, мировоззрение и идентичность “городского человека”» [Аванесов 2018, 13–14]. Умберто Эко считал архитектуру той областью, в которой семиология больше всего востребована сегодня. Это только с первого взгляда архитектурные сооружения ничего не сообщают, а лишь исполняют свое назначение, характеризуются исполняемыми ими функциями. «Стало быть, первый и самый главный вопрос, который встает перед семиологией, если она хочет подобрать ключи к самым разнообразным явлениям культуры, это вопрос о том, поддаются ли функции истолкованию также и с точки зрения коммуникации и, кроме того, не позволит ли рассмотрение функций в плане коммуникации лучше понять и определить, что они собой представляют именно как функции, и выявить иные, не менее важные аспекты функционирования, которые ускользают от собственно функционального анализа» [Эко 1998, 202]. Согласно У. Эко, именно семио-

тика возвращает нас к архитектуре как коммуникации, к тому, как устроено произведение архитектуры, на которое мы смотрим.

Конструктивистское строение имеет все характеристики визуального знака и подлежит семиотическому истолкованию в семантическом, синтаксическом и прагматическом аспектах. Раскрыть конструктивизм с точки зрения его визуально-коммуникативных аспектов означает рассмотреть его сооружение как вещь, соседствующую с другими вещами и определяющую конфигурацию физического пространства, доступного для действий; погрузить конструктивистский дом в поле коммуникации и узнать, как люди им пользуются; выяснить, какие ценности он транслирует, какие эмоции генерирует и т.д. Семиотический характер конструктивистского дома, таким образом, состоит в том, что он формирует пространство существования современного человека, сообщая этому пространству предельно выраженный коммуникативный характер. Он буквально вторгается в человеческую жизнь, порождая особый комплекс восприятия и тип самоосмысления. «В этом смысле возможности, предоставляемые архитектурой (проходить, входить, останавливаться, подниматься, садиться, выглядывать в окно, опираться и т.д.), суть не только функции, но и прежде всего соответствующие значения, располагающие к определенному поведению» [Эко 1998, 206].

Следует прислушаться также к словам Г. Гадамера, утверждавшего, что в архитектуре как виде искусства «эстетическое различие» вторично. «Произведение архитектуры никогда не бывает в первую очередь произведением искусства. Его целевое предназначение, благодаря которому оно принадлежит к совокупности жизненных связей, не может быть от него отделено без того, чтобы не пострадала его действительность. Если же оно является всего лишь предметом эстетического сознания, то действительность его иллюзорна и существует только в извращенной форме предназначения для целей туризма или для фотографической передачи искаженной жизни»; в архитектуре, по мнению философа, явно ощутимо «то опосредование, без которого произведение искусства лишено подлинной полноты присутствия» [Гадамер 1988, 206].

Для целей нашего исследования релевантна «пешеходная» методология Тани Ричардсон (особенно в группе «Память»; см. ниже). Исследовательница провела блестящий микроанализ Одессы в 2002 году, о чем написала книгу «Калейдоскопическая Одесса: история и место в современной Украине» [Richardson 2008]. Методология исследовательницы – уловить жизнь города через анализ

переживания и проживания его мест. Ей удалось отследить многослойность города, те множественные реальности, которые появляются и проявляются в разных городских контекстах и у разных городских персонажей. Метафора «облезлости» отображена на обложке книги Т. Ричардсон. «Облезлость» и обшарпанность городских руин открывают оставшиеся следы, оголяют спрятанное, раскрывают множественность реалий, одновременное существование «полупрошлого» и «полунастоящего» – сложных нелинейных конструкций времени и пространства, в которых протекает жизнь горожан. Каждый раскрытый след меняет наше восприятие города.

С помощью описанного выше исследовательского арсенала возможно исследовать архитектурный конструктивизм в антропологическом аспекте.

Ил. 1. Одесса. Жилой дом сотрудников НКВД. Улица Маразлиевская, 1а.
Архитектор: А. И. Дубинин.

Живая иллюстрация идеалов и стремлений советских архитекторов рубежа 1920–1930-х годов. Профиль и чередование отсеков дома, этажность, разная форма окон и балконов демонстрируют размах, масштаб и динамизм. Самое комфортное из одесских жилых зданий периода конструктивизма. В духе времени это означало высокие потолки и просторные комнаты, наличие ванной комнаты, но при этом маленькие кухни. Быт максимально упрощен. Рядом с домом были разбиты детские площадки, спортивный городок, устроена летняя эстрада.

Источник: <https://all.archodessa.com/all/marazlievskaya-1a/>

Для очень многих поклонников Одессы вся красота этого города была создана на рубеже XIX–XX веков. Отношение к конструктивизму сегодня, как правило, отрицательное: «В тридцатые советские годы в Городе недолго бытовал “конструктивизм”, стиль-отголосок происков Ле Корбюзье и его отечественных последователей. <...> Этот сверхсовременный поиск пахнет провинцией, глухой периферией, задворками. Странно – то, что было задумано как наше продолжение в пространстве, на поверку оказалось сухим и чуждым нашей душе» [Дорошенко 2016, 52–53]. Многие видят продол-

жение этой архитектуры в серости и убогости спальных районов и Черёмушек.

Серое, мрачное, безыскусное, как все советское, да еще и провинциальное – вот бытующее мнение. Сказывается и постмодернистская оценка модернистского функционализма и конструктивизма, якобы породившего однообразную, утомляющую среду, отрицающую историю и лишаящую человека индивидуального развития. Как пережиток прошлого, от которого хотелось бы отойти, воспринимают, например, дом на Французском бульваре, 12 («Дом специалистов»; ил. 2) прохожие молодые люди. Даже хотят вернуть декор и перекрасить фасад из серого в пастельные тона.

Ил. 2. Жилой дом специалистов. Одесса, Французский бульвар, 12/1.

Архитекторы: А. Н. Чичкин, А. И. Дубинин.

Жилая архитектура нового типа должна была вызывать новые социальные аффекты. Открытый улице просторный двор – радикальное новшество для старой Одессы с ее тесными «колодцами» и «коридорами». Это альтернатива «мелкобуржуазному» быту. Дом построен на месте Ботанического сада. Солнце, зелень и простор – союзники конструктивистов в производстве новых форм социальности.

Из фонда ЦГКФФА Украины им. Пшеничного.

Источник: <https://photobuildings.com/photo/204608/>

По словам одесских архитекторов, в Одессе нет настоящего конструктивизма, а есть лишь элементы технологии, которую производили по всей стране. В условиях идеологической деком-

мунизации, а также туристической доступности шедевральных конструктивистских зданий (в Европе, например, где архитектура немецкого и голландского модернизма 1920–1930-х годов отреставрирована и находится в прекрасном состоянии) на интересующей нас теме, казалось бы, можно поставить крест. В Одессе остатки авангардного проекта постепенно превращаются в руины. В чем ценность этих руин? Не думаем, что лежащие в основе эстетики советского модернизма революционный оптимизм и технократический энтузиазм являются непостижимо экзотическими для современного человека («Жилой дом сотрудников НКВД»; ил. 1).

Интересно, что творческие архитекторы (как молодые, так и более и опытные) сегодня защищают присутствие модернизма в постсоветском городе, считая его очень «естественной архитектурой» и потому всегда актуальной. К примеру, трехэтажный дом на ул. Екатерининской, 37, где размещена АТС (архитектор Н. Л. Гуревич, 1929–1931), признан одним из выразительнейших, стилистически выверенных объектов одесского авангардного модернизма [Смоленська 2017, 221]. С естественностью связана сама простота архитектурных форм: «Простые геометрические формы прекрасны, потому что они легко воспринимаются. Современные архитекторы больше не создают простых форм» [Ле Корбюзье 1977, 9].

Непонимание конструктивистской архитектуры возникает по двум причинам:

1) ее первоначальное предназначение сделалось совершенно непознаваемым,

2) единство предназначения нарушено большим количеством изменений, внесенных с течением времени.

В головах архитекторов начала XX века фигурировал образ дома, организованного по принципу универсального механизма, где быт максимально обобществлен и упрощен. В 1921 году сотрудники московского Института художественной культуры определяли конструктивизм как логическую деятельность, отвечающую запросам нового коллективного общества. Современная архитектура должна была помогать создавать новый социалистический быт, в чем и состояла практическая применимость архитектурных экспериментов. Эти идеи пронизывают журнал «Современная архитектура», основанный в 1926 году Объединением современных архитекторов – первой группой архитекторов, назвавших себя конструктивистами. Как известно, по материалам именно этого издания Владимир Паперный создавал свою «Культуру Два», которая, в свою очередь, стала важным инструментом проводимого нами исследования.

Мы встретили два мнения по поводу призвания советского архитектурного модернизма, в частности конструктивизма. С. А. Смоленская вводит термин «авангардный модернизм» (впервые использованный Х. Иббелингсом), который позволяет рассматривать это направление в украинской архитектуре 1920–1930-х годов как составляющую часть европейского модернизма [Смоленська, 2017, 374]. Оуэн Хазерли считает, что постройки советского конструктивизма только при поверхностном взгляде похожи на западные образцы – социальное жилье, клубы для рабочих и т.п. «Именно вследствие того, что эти новые типы архитектуры считались важными, различия между советскими и западными образцами играют ключевую роль. Конструктивистская архитектура часто выполняла задачи телеологические, даже “павловские”: благодаря ей должны были возникать особые социальные аффекты» [Хазерли 2019, 56].

Жилище в советском обществе перестало быть просто местом отдыха, потребления, довольно закрытой сферой частной жизни. Оно превратилось в социальный институт, в котором формы поведения во многом определялись санитарными и жилищными нормами, а также структурой жилища. Конструктивистские проекты явились примерами применения эстетики к самым базовым сферам жизни общества: жилью, общественному досугу, школам, местным органам самоуправления. Архитекторы искали удобные планировки квартир, интересные объемно-пространственные композиции, наиболее экономичную форму жилых зданий.

Одесский материал позволяет согласиться с выводами С. А. Смоленской, что соображения экономии и эстетические поиски буквально нашли друг друга. В стране был дефицит бетона и металла, дома строились из кирпича или местных материалов, а также из дерева. Строительство велось по типовым проектам, учитывая масштаб и темпы возведения жилья. Однако нельзя согласиться с утверждением о том, что «модернистская эстетика была скорее данью новой стилистике и ответом на требование экономии, более чем демонстрацией новых конструкций» [Смоленська 2017, 233].

Ранняя советская архитектура жилых зданий была альтернативой «мелкобуржуазному» быту, отсюда открытые пространства конструктивистских зданий, длинные ряды сплошного ленточного остекления, изящные изгибы (стремились избегать прямых углов: прямой угол, по мнению теоретика Михаила Охитовича, – это пережиток капиталистического распределения земельных участков). Конструктивистская группа Объединения современных архитекторов ввела в оборот словосочетание «социальный конденсатор»,

которым обозначали те особые эффекты и процессы, которые их архитектура призвана была стимулировать и вдохновлять [Хазерли 2019, 57]. Модернистские принципы – это солнце, воздух и зелень. Все конструктивисты – «солнцеклонники», находящиеся в вечном движении вверх. Отсюда лестницы и пандусы, открытые балконы, напоминающие палубы корабля. «Даже самые скромные, степенные постройки всегда скрывают какой-нибудь “межзвездный” переход» [Хазерли 2019, 62]. Художественные практики конструктивизма ставят задачу актуализации возможностей иного мира, иной жизни. Авангардный художник отвечал за Универсум как целое и раскрывал его законы, не скрывая своих тотальных устремлений.

Мы стремились понять политику нашей научной работы, отследить ее приемы. Формирование субъекта антропологических городских исследований происходит через практическую работу студентов в поле. В нашем проекте приняли участие студенты-культурологи, изучающие курс «Культурная антропология». Образование через исследование осуществлялось в трех тематических студиях – генеалогия, память, практики. Были поставлены задачи по освоению программы антропологического исследования города, апробированию метода включенного наблюдения в городе, проведению интервью с одесситами и коротких опросов прохожих, анализу одесской прессы 1920–1930-х годов, путеводителей по Одессе и многие другие. Студентам предлагалось создать представление о городе, насыщенное мелочами и нюансами, которые конкретизируют и специфицируют городскую жизнь, пристально всматриваться в повседневность, уделять внимание мелочам. Подобный подход к пониманию и концептуализации города мы назвали бы микроурбанизмом, который позволяет «уловить жизнь города через анализ переживания и проживания его мест, через выявление и описание мелких и незначимых (в рамках больших теорий) деталей. <...> В самом общем виде в рамках данного смыслового поля микроурбанизм означает работу с небольшими городскими пространствами и малыми архитектурными формами / объектами, цель которой – установление взаимосвязи человека и города, активное освоение и интерпретация городских пространств горожанами, инициирование» [Бредникова, Запорожец 2014, 14, 16].

От студентов требовалось не воспроизводить клише и общие суждения, а создавать тексты, описывающие их городской опыт и сочетающие теоретические поиски с представлением материалов полевых исследований. Источниками качественных данных стали записанные и расшифрованные интервью, а также полевые записи

наблюдений в дневниках, которые вели все члены исследовательской группы (ниже представлены предварительные результаты полевой работы). Не все студенты «заболели» проектом и «включились», но некоторое количество «картинок» городской жизни удалось получить. Организованное исследование позволило спровоцировать диалог вокруг конструктивистской архитектуры.

О ходе полевого исследования

Источниками исследования послужили как визуальные материалы (изображения зданий, архитектурные проекты и наброски), так и вербальные документы официального и личного происхождения, в которых нашли отражение вопросы политики советского государства по реконструированию среды обитания горожанина и восприятия этих изменений самими жителями города.

Исследование сконцентрировалось на культурном значении и практической значимости жилых домов, построенных в стиле конструктивизма. Ключевой категорией исследования стал «Дом» как культурологическое и антропологическое понятие. В наши задачи входило изучить не универсальные формы (модернизм в архитектуре), а то культурное значение, которое они обрели в конкретном контексте – Одесса 1920–1930-х годов.

Группа была разбита на три подгруппы:

1. *Генеалогия (архитектурного модернизма)*. Перед участниками группы стояла задача изучить конструктивизм как советский модернистский проект, сравнить одесскую ситуацию с московской, харьковской, киевской и т.д. Попробовать ответить на вопрос: Была ли Одесса 1920–1930-х годов предрасположена к модернизму и модернизации? Как столичные технологии воплощались в провинции; что не удалось воплотить и почему? Чем объяснить «провинциальный курьез» – неполное соответствие образцам в модернистской архитектуре Одессы? Материалы, использованные в исследовании, помогли сконцентрироваться и конкретизировать круг проблем: что значит «на первом месте функция, а не форма», «отречение от эстетического в пользу целесообразного», и как это связано с идеей мирового прогресса.

Важную роль сыграл анализ одесской прессы прошлых лет, позволяющей проиллюстрировать жизнестроение по образцу машины, тезис о том, что человек строил себя и свой мир по образу машины и утверждал новую эстетику механизированной жизни. Пример исследования Паперного показал, что того материала,

который у нас перед глазами, который опубликован в журналах и доступен фотографированию, вполне достаточно, чтобы сформировать вполне убедительную и реальную картину советской архитектурной жизни [Паперный 1996, 665].

Мы исследовали корпоративные дома и старались узнать, был ли запрос на новую гражданскую архитектуру у ведомств и предприятий. Хотели ли заказчики-ведомства, чтобы их работники жили вместе, притом не в буржуазном доме, а в пролетарском? Справедливо ли для Одессы утверждение, что культурная элита руководствовалась социалистической идеей, искала создания условий для мобилизации групп трудящихся и защиты ими своих интересов; хотела пресечь индивидуализацию, атомизацию по отдельным, индивидуальным хозяйствам? Пока на сегодняшний день это задание не выполнено. Оно требует более сосредоточенной работы с архивными материалами и экспертами.

2. *Память.* Перед данной группой стояла задача узнать у своих респондентов – жителей Домов – их семейные истории, связанные с освоением квартир и дворов конструктивистских зданий. Некоторые из наших информантов выросли в Доме, а некоторые живут здесь (постоянно или снимают квартиру) недавно. Было проведено 15 полуструктурированных интервью в форме биографических рассказов с дополнительными уточняющими вопросами.

Кроме жителей мы также общались с архитекторами, урбанистами, риэлтерами («подвижность» Домов на рынке жилья, их ценность), экскурсоводами (анализ путеводителей и экскурсионных маршрутов по Одессе), работниками ЖЭКов. Мы опрашивали прохожих, узнавали их мнение о Домах.

3. *Практики.* Дому придают смысл практики. Работая в этой подгруппе, мы стремились узнать Дом «изнутри», материальность домашней сферы, формы привязанности. Основные вопросы, поставленные перед этой группой: Как воздействуют на людей рациональность и строгость форм? Воспринимается ли Дом как типичное жилье? Какие новые формы социальности Дом производит? Как в Доме создавался и поддерживается уют? Не диктует ли сам Дом обстановку попроще? Как поддерживается чистота? Как используются общее пространство, двор?

Использовался метод исследования глубинной идентичности по хранимым и неотчуждаемым вещам (ценностям, знаниям, ритуалам). Неотчуждаемое – то, что нельзя отдать, передать, продать. В процессе разговора с жильцами студенты просили их рассказать о вещах, которые ассоциируются у людей с данным домом (рөвөс-

ники дома, его обживания, реконструкции и т.п.). Это помогает выяснить, могут ли эти дома стать «местами памяти», сохраняется ли в них среда памяти.

Был разработан вопросник, который использовали вторая и третья подгруппы.

Полученные результаты

Перестройка Одессы на новых социально-экономических основаниях в 1920–1930-х годах тесно связана с развитием промышленности. Как мы знаем, темпы индустриализации Украины в те годы были самыми высокими в Союзе. Одесса была важным портом. Ясно просматривается перезагрузка одесского мифа, хотя много внимания уделяется и сохранению статуса города-курорта и культурного центра. Новая культурная идея города была положена в основу модернистского проектирования города. Однако гомогенизации не получилось.

В городе имело место запаздывание нового строительства, связанное с постоянным дефицитом строительных материалов. Руководство города выбирало, скажем так, срединный путь между радикальными проектами советских урбанистов и решением местных проблем. Одной из насущных проблем городской жизни стало «соцрасселение», которое повысило бы производство на промышленных предприятиях. Руководство города преследовало цель не столько радикально изменить архитектурный облик, сколько частично реструктурировать городской ландшафт. Это реструктурирование подразумевало преодоление различий между центром и окраинами, ликвидацию городской моноцентричности, а также смену городского мифа. Конструктивистские жилые дома удовлетворяли потребность ведомств и предприятий в новой гражданской архитектуре (ил. 3). Важной задачей было решение об изменении быта советского человека. Идеология предполагала совершенно другой тип мышления, ряд привычек, которые не успели сформироваться естественно-историческим путем. Нужно было создавать их искусственно, меняя быт людей.

Мы не ставили задачу показать конфликт мифа города и искусственного прививания ему инородного тела. Да и наш материал показывает как раз другое. В ходе проведенного исследования мы соединяли форму (архитектуру) и содержание (жизнь в доме) и получили пережитый опыт и сложившиеся (локальные и условные) порядки жизни. Кто-то принял предложенные государством пра-

вила игры, кто-то их отверг, но присвоение людьми своего Дома путем ежедневных рационализированных действий в процессе домашней жизни состоялось.

Ил. 3. Одесса. Жилой дом Совторгфлота. Переулок Маяковского, 9.
Архитектор: П. Н. Диденко.

«К новому быту» – гласила надпись на угловом подъезде новаторского дома, весь динамичный силуэт которого выражает пафос создания новой среды обитания.

Источник: <http://archodessa.com/all/mayakovskogo-9/>

Анализ одесской прессы тех лет подтверждает характеристику Культуры 1, предложенную В. Паперным, и позволяет задуматься о своеобразной фетишизации архитектуры (идея «жизнестроительства»). Модернистская атрибутика просматривается в жилых домах Одессы, построенных в конструктивистском стиле. Все характерные черты менталитета индустриальной эпохи удавалось визуализировать в новых объектах – практицизм, движение, принцип прогресса, идею линейности пространства.

Предложенный нами подход позволил рассмотреть конструктивизм и его идеологию антропологически. Мы взглянули на него с точки зрения делания, исполнения, осуществления, проживания – практических аспектов осуществления конструктивизма. Такой объект, как конструктивизм, приобрел множественность, чему способствовало его изучение в трех измерениях – через генеалогию

(как появился конструктивизм), память (способы представления конструктивизма), практики (осуществление события людьми, вещами, словами).

Материал, полученный при расшифровке интервью, дает представление о революции повседневности, принципах текучести, растянутости, горизонтальности, взаимозаменяемости («кухни в квартирах переходного типа», «квартиры предназначены со дня постройки для перепланировки», «высокие потолки и большие окна создают иллюзию простора»). Авангардный проект трансформации мира и (через) человека рассматривается как конструктивный, окрашен в праздничные тона. Конструктивизм мыслится как архитектурный стиль, способствующий развитию личности.

В интервью с жильцом одного из Домов (Пушкинская, 39, трест «Пищевик») мы нашли подтверждение названию и идее нашего проекта: «Бабушка рассказывала о стиле “конструктивизм”, *очень гордилась этим*. “Новый дом для нового человека” – всегда любила повторять эту фразу. Я значения ее не понимал, а со временем повзрослел и вовсе забыл». Теперь внук «не помнит, что такое СССР», в вопросе об отношении к социалистической идее просит не говорить о политике, продает квартиру и уезжает в Германию на ПМЖ.

Описание города в антропологической оптике предполагает изучение пространств репрезентации, мира пространственных практик, эмоционально нагруженных образов, символов, смыслов, мифов и легенд. Однако принципиально важно не подходить к изучению городского материала с предубеждениями. Нужно устанавливать в поле, как создается разнообразие города. Тогда у нас появляется возможность уйти от стереотипов, от сведения города к одной сущности, к одному городскому мифу и биографии. Это означает преодоление абстрактных представлений о городском пространстве и позволяет брать вместе город, человеческую телесность и чувственность. Репрезентации насыщены плодами человеческого воображения и символизации, они укоренены в общую и индивидуальные истории, регулярно порождаются социальной практикой. Тут не обойтись без качественных полевых исследований.

Наше исследование стало в определенной степени разведкой, которая показала настоятельную необходимость его дальнейшего продолжения и углубления с обязательным соблюдением принципов антропологизма, микроурбанизма и междисциплинарности. Немаловажно, что сам ход исследования подводит его участников к размышлениям о постоянной трансформации города, что дает

основания для переосмысления так называемого «мифа Одессы» (особенно в редакции «Одесса – город юмора»). Одесса в те годы – крупный и развивающийся промышленный центр. Но образ города постоянно уточняется, ему «тесно» в рамках, построенных советским или каким-либо иным временем.

Порадовало и то, что сама тема исследования позволила обсудить в группе некоторые предубеждения, сложившиеся в сознании молодого поколения, их категоричное «нравится / не нравится». Полевая работа позволяет увидеть вещи в новом свете. В любом случае студенты смогли посмотреть со стороны на собственные стереотипы и предубеждения.

Мы заметили, что жильцы находят в своих домах (квартирах и дворах) и уют, и интимность, отмечают нетипичность своего Дома («В то время это было прорывом, он был новым, функциональным, просторным», «это была отдельная квартира, а не коммуналка»; пенсионер вспоминал, что при переезде в дом уют было создавать нетрудно, «дом был сам по себе уютен»). Одесситов удивлял и подкупал интерес студентов университета к их жизни в Доме, что отмечено в студенческих дневниках.

Всю нашу исследовательскую группу обрадовало размещение на некоторых наших Домах табличек «Памятник архитектуры. Жилой дом. 1930 гг.».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2016 – *Аванесов С. С.* Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 4 (10). С. 9–22.
- Аванесов 2018 – *Аванесов С. С.* Городское пространство как антропологический феномен // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2 (16). С. 10–31.
- Бредникова, Запорожец 2014 – *Микроурбанизм. Город в деталях / под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец.* М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Бюхли 2017 – *Бюхли В.* Антропология архитектуры / пер. с англ. М. В. Григорьевой, О. В. Гритчиной. Харьков: Гуманитарный центр, 2017.
- Гадамер 1988 – *Гадамер Х. Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. под общ. ред. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.

- Гирц 2020 – *Гирц К.* Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог / пер. с англ. А. Корбут. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Григорьева 2009 – *Григорьева Н. Я.* Эволюция философской антропологии в 1920–1950-х гг.: радикализация образа человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009.
- Дорошенко 2016 – *Дорошенко А.* Русский модерн в Городе // *Дерибасовская – Ришельевская: альманах.* 2016. № 65. С. 50–76.
- Духан, Старусева-Першеева 2022 – *Духан И. Н., Старусева-Першеева А. Д.* Оптические стратегии новых медиа: от перспективизма к дрейфующему взгляду // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 3 (33). С. 9–38.
- Ле Корбюзье 1977 – *Ле Корбюзье Ш. Э.* Архитектура XX века / пер. с фр. под ред. К. Т. Топуридзе. М.: Прогресс, 1977.
- Мол 2017 – *Мол А.* Множественное тело: онтология в медицинской практике / пер. с англ. под ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017.
- Палласмаа 2013 – *Палласмаа Ю.* Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия / пер. с англ. М. Химанен. М.: Классика-XXI: Арт-транзит, 2013.
- Паперный 1996 – *Паперный В. З.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Резинко 2002 – *Резинко Д. Б.* Идеологические практики в контексте советской модернизации (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 2002.
- Скотт 2005 – *Скотт Дж.* Благими намерениями государства: почему и как проваливаются проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005.
- Смирнов 2015 – *Смирнов С. А.* Феномен как визуальный концепт в антропологии культуры (от классических образцов к неклассическому опыту) // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1 (3). С. 21–28.
- Смирнов 2021 – *Смирнов С. А.* Город и Человек: очерки по городской антропологии. М.: Ленанд, 2021.
- Смоленська 2017 – *Смоленська С. О.* Архітектура авангардного модернізму в Україні: генеза та спадщина: дис. ... д-ра архітектури. Харків, 2017.
- Хазерли 2019 – *Хазерли О.* Воинствующий модернизм. Защита модернизма от его защитников / пер. с англ. М. Шера. М.: Кучково поле, 2019.

- Хайдарова 2015 – *Хайдарова Г. Р.* От визуальной среды к визуальной антропологии // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 4 (6). С. 92–99.
- Шліпченко 2008 – *Шліпченко С.* Записано в камені. Киев: ВД Всесвіт, 2008.
- Эко 1998 – *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. СПб.: Петрополис, 1998.
- Connerton 1989 – *Connerton P.* How Societies Remember. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1989.
- Hamby 2022 – *Hamby J.* Victorian Visions of Suburban Utopia: Abandoning Babylon, by Nathaniel Robert Walker // Science Fiction Studies. 2022. Vol. 49 (3). P. 602–605.
- Petrykivska 2021 – *Petrykivska O.* The Human Position in Urban Space // Philosophy and Cosmology. 2021. Vol. 27. P. 135–144.
- Richardson 2008 – *Richardson T.* Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine. Toronto: University of Toronto Press, 2008.

REFERENCES

- Avanesov, S. S. (2016). Visual semiotics of cities: perspective of urban texts studies. *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 4(10), 9–22. (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2018). Urban space as anthropological phenomenon. *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 2(16), 10–31. (In Russian).
- Brednikova, O., & Zaporozhets, O. (Eds.). (2014). *Mikrourbanizm. Gorod v detalyakh* [Microurbanism. City in detail]. NLO.
- Buchli, V. (2017). *An Anthropology of Architecture*. Gumanitarnyy tsentr. (In Russian).
- Connerton, P. (1989). *How Societies Remember*. Cambridge University Press.
- Doroshenko, A. (2016). Russian Art Nouveau in the City. *Deribasovskaya – Rishel'evskaya. Al'manakh*, 65, 50–76. (In Russian).
- Dukhan, I. N., & Staruseva-Persheeva, A. D. (2022). Optical Strategies of New Media: from Perspectivism to Drifting Glance. *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 3(33), 9–38. (In Russian).
- Eco, U. (1998). *La struttura assente*. Symposium. (In Russian).
- Gadamer, H.-G. (1988). *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. Progress. (In Russian).
- Geertz, C. (2020). *After the Fact. Two Countries, Four Decades, One Anthropologist*. NLO. (In Russian).

- Grigorieva, N. (2009). *Evolyutsiya filosofskoy antropologii v 1920–1950-kh gg.: radikalizatsiya obraza cheloveka* [The evolution of philosophical anthropology in the 1920s – 1950s: the radicalization of the human image]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow. (In Russian).
- Hamby, J. (2022). Victorian Visions of Suburban Utopia: Abandoning Babylon, by Nathaniel Robert Walker. *Science Fiction Studies*, 49(3), 602–605.
- Hatherley, O. (2019). Militant Modernism. Kuchkovo pole. (In Russian).
- Khaydarova, G. (2015). From visual environment to visual anthropology. ПРАΞΗΜΑ (*Praxema*). *Journal of Visual Semiotics*, 4(6), 92–99. (In Russian).
- Le Corbusier. (1977). *Architecture of the 20th Century*. Progress. (In Russian).
- Mol, A. (2017). *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Gile Press. (In Russian).
- Pallasmaa, J. (2013). *The Thinking Hand: Existential and Embodied Wisdom in Architecture*. Klassika-XXI. (In Russian).
- Paperny, V. Z. (1996). *Kul'tura Dva* [Culture Two]. NLO.
- Petrykivska, O. (2021). The Human Position in Urban Space. *Philosophy and Cosmology*, 27, 135–144.
- Rezinko, D. B. (2002). *Ideologicheskie praktiki v kontekste sovetskoy modernizatsii (sotsial'no-filosofskiy analiz)* [Ideological practices in the context of Soviet modernization (socio-philosophical analysis)]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
- Richardson, T. (2008). *Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine*. University of Toronto Press.
- Scott, J. C. (2005). *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Universitetskaya kniga. (In Russian).
- Shlipchenko, S. (2008). *Written in stone*. Vsesvit. (In Ukrainian).
- Smirnov, S. A. (2015). Phenomenon as a visual concept in anthropology of culture (from classical patterns to nonclassical experience). ПРАΞΗΜΑ (*Praxema*). *Journal of Visual Semiotics*, 1(3), 21–28. (In Russian).
- Smirnov, S. A. (2021). *Gorod i Chelovek: Ocherki po gorodskoy antropologii* [City and Man: Essays on Urban Anthropology]. LENAND.
- Smolenskaya, S. (2017). *Architecture of Avant-garde Modernism in Ukraine: Genesis and Heritage*. Architecture Dr. Diss. Kharkiv. (In Ukrainian).

Материал поступил в редакцию 13.05.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 09.10.2023